
РАКУРСЫ

С.А. БОКЕРИЯ, Д.А. СИДОРОВ*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ СТРАН БРИКС К «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАЩИТЕ»

Аннотация. Трехступенчатая трансформация «гуманитарная интервенция – личностная безопасность – ответственность по защите (R2 P)» отражает поиски международным сообществом наиболее эффективных форм защиты населения от преступлений против человечества, геноцида, этнических чисток. Доказав свою несостоятельность, концепция гуманитарной интервенции привела к формализации в 2005 г. концепции *responsibility to protect*, призванной стать действенным инструментом в области обеспечения мира и безопасности. В статье рассматриваются подходы стран БРИКС, принявших активное участие в разработке R2 P, к ее интерпретации на современном этапе. Противоречивое смысловое содержание и правовая неопределенность концепции затрудняют ее реализацию на практике и делят исследователей R2 P на две группы. Ключевой целью статьи является исследование эволюции позиций стран БРИКС по R2 P.

Ключевые слова: международное право; международная безопасность; принудительные меры; гуманитарная интервенция; личностная безопасность; ответственность по защите; R2 P; БРИКС; ООН.

Для цитирования: Бокерия С.А., Сидоров Д.А. Эволюция подходов стран БРИКС к «ответственности по защите» // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 190–214. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.09>

* **Бокерия Светлана Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: bokeria_sa@pfur.ru; **Сидоров Дмитрий Алексеевич**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела политической науки, ИНИОН РАН (Москва, Россия); старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: d.a.sidorov@mail.ru

© Бокерия С.А., Сидоров Д.А., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.03.09

Конец XX в. был отмечен изменением характера вооруженных столкновений. Внутренние конфликты в государствах заменили межгосударственные конфликты, и мирные жители стали составлять подавляющее большинство жертв различных происшествий. Акты широкомасштабного насилия потребовали укрепления международно-правовой базы, касающейся государственных обязательств по защите гражданского населения. Геноцид в Руанде, Камбодже и Боснии, преступления в Восточном Тиморе, Косово и Дарфуре обернулись для международного сообщества провалом стратегии предотвращения жестоких преступлений, показав несостоятельность прежних механизмов реагирования и постконфликтного строительства.

Сначала данная ситуация привела к активизации дискуссий в академических кругах по тематике безопасности общества и человека (концепция *human security*), сместив дебаты, посвященные предотвращению кризисов, государству и проблемам суверенитета, на второй план; позже возникла необходимость в пересмотре концепции гуманитарной интервенции и ее трансформации в доктрину *responsibility to protect* (далее – *R2 P*), как «более решительного ответа на самые грубые нарушения прав человека» [Morris, 2015].

Из анализа динамики цитирования *responsibility to protect* в англоязычной академической литературе, официальных документах и научных статьях за 14 лет видно, что последние шесть лет наблюдается снижение научного интереса к тематике *R2 P* (рис.).

Это связано с тем, что государства так и не смогли согласовать и утвердить единообразное толкование положений Итогового документа Всемирного саммита 2005 г., в котором официально была оформлена суть *R2 P*. Однако за 14 лет доктрина *responsibility to protect* суммарно упоминалась в различных источниках более 1,236 млн раз. Это свидетельствует о том, что тематика *R2 P* стала частью глобального дискурса.

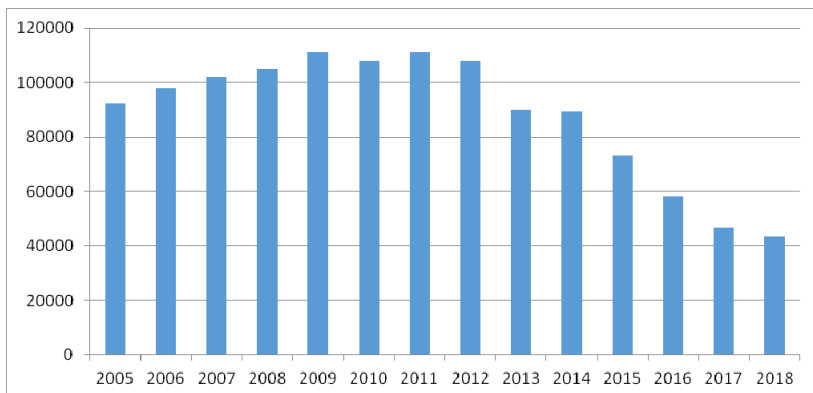

Рис.

Динамика цитирования *responsibility to protect* (2005–2018)

Источник: составлено авторами на основе данных сервиса «Google Scholar»

В научном сообществе концепция R2 P трактуется по-разному. А. Беллами, австралийский эксперт и директор Азиатско-Тихоокеанского центра R2 P Университета Квинсленда, считает, что данная концепция «является не отдельной нормой, но совокупностью общепризнанных мнений, которые апеллируют к разным понятиям» [Bellamy, 2012]. Д. Схеффер, бывший посол США в ООН, пишет, что «принцип R2 P за короткий промежуток времени достиг риторического присутствия в международной политике и праве, вызвав как одобрение, так и скептицизм» [Scheffer, 2009]. Данное суждение лишь подчеркивает антагонистическую двойственность в восприятии концепции.

Среди исследователей сформировались две основные группы, придерживающиеся различных точек зрения о роли концепции в международной политике и праве. Первая группа экспертов связывает концепцию с пересмотром идеологии суверенитета и расширением международного инструментария по предотвращению смертельных конфликтов. Бразильские авторы Э.П. Хаманн и Р. Магга полагают, что R2 P защищает право на предотвращение конфликтов, а не право на вмешательство, что по своей сути является пересмотром суверенитета как ответственности [Hamann, Muggah, 2013]. По словам Кофи Аннана, бывшего Генерального секретаря ООН, который популяризировал данную доктрину, «R2 P утверждает, что, ко-

гда государства не могут или не будут защищать свое население от жестоких преступлений, другие государства, действуя через ООН, должны это сделать»¹. Помощник Генерального секретаря ООН по правам человека И. Шимонович считает, что R2 P является «ответственностью государств по защите населения»² от геноцида, этнических чисток, военных преступлений и преступлений против человечества.

Вторая группа исследователей (в частности, Т. Рейнольд [Reinold, 2010] и Л. Гленвилль [Glanville, 2016]) полагают, что концепция создала новое правовое основание для использования силы, называя R2 P нормой международного права. Э. Лак, специальный советник Генерального секретаря ООН, позиционирует R2 P как «политическую приверженность» [Luck, 2009]. К аналогичному выводу приходит американский исследователь Дж. Итон в результате анализа дебатов в Генеральной Ассамблее ООН 2005 и 2009 гг. Автор предпринял попытку определить сущностное содержание концепции R2 P и ответить на вопрос, чем же на самом деле является эта доктрина: нормой, консенсусом, новым правом или обязанностью [Eaton, 2011]. Профессор Л.В. Павлова позиционирует R2 P как «одну из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем в современных международных отношениях» [Павлова, 2013], В.С. Котляр – как концепцию [Котляр, 2012], А.В. Худайкулова – как доктрину, принцип и концепцию [Худайкулова, 2016, с. 420–421].

Проведенный анализ литературы показывает, что правовой статус R2 P неоднозначен. Однако, несмотря на это, данная концепция активно продвигается на различных площадках: *The Global Centre for the Responsibility to Protect*³ (один из главных некоммерческих центров продвижения и реализации нормы R2 P в мире),

¹ *Annan K.* Prevention, promotion and protection: our shared responsibility // International coalition for the responsibility to protect. – 2012. – Mode of access: <http://www.responsibilitytoprotect.org/index.php/component/content/article/136-latest-news/4145-kofi-annan-speech-prevention-promotion-and-protection-our-shared-responsibility> (accessed: 26.04.2020)

² Statement from Ivan Simonovic on the responsibility to protect // UN Web TV. – 2017. – Mode of access: <http://webtv.un.org/watch/statement-from-ivan-simonovic-on-the-responsibility-to-protect/5360550187001?video=play> (accessed: 29.03.2020)

³ The Global Centre for the Responsibility to Protect. – Режим доступа: <http://www.globalr2p.org/> (дата посещения: 14.04.2020)

*The International Coalition for the Responsibility to Protect*¹ (НПО, созданная с целью усиления нормативного потенциала концепции), *The Asia Pacific Centre for the Responsibility to Protect*² (региональный центр R2 P, имеющий влияние на работу ООН в данном направлении), *World Federalist Movement*³ (НКО, основанная в США с целью содействия глобальному миру и справедливости). Данным целям также служит и специализированное средство массовой информации – журнал *The Global Responsibility to Protect*⁴. Следовательно, R2 P из теоретического концепта трансформировалась в часть глобального дискурса на новых специализированных площадках, способствующих практической реализации доктрины.

От «гуманитарной интервенции» к концепции responsibility to protect (R2 P)

Начиная с 1980-х годов в научном и политическом сообществах активно обсуждалась концепция «гуманитарной интервенции», суть которой в том, что в случае преследований со стороны властей в отношении групп населения в какой-либо стране, сопровождавшихся этнической чисткой или геноцидом, и непринятия мер правительством этой страны для прекращения данных нарушений прав человека другие государства получали право вмешаться в целях защиты населения, используя формат военных операций. Странники военного вмешательства под эгидой помощи гражданскому населению отстаивали возможность вторжения в обход санкций Совета Безопасности ООН (СБ ООН). Данный подход был поддержан американским правительством и блоком НАТО, в частности, администрацией Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего. Принятые доктрины НАТО в 1999 г. и США в 2002 и 2006 гг. включали полномочия США и НАТО по выполнению

¹ The International Coalition for the Responsibility to Protect. – Режим доступа: <http://www.responsibilitytoprotect.org/> (дата посещения: 14.04.2020)

² The Asia Pacific Centre for the Responsibility to Protect. – Режим доступа: <https://r2pasiapacific.org/> (дата посещения: 14.04.2020)

³ World Federalist Movement. – Режим доступа: <http://www.wfm-igp.org/about/overview> (дата посещения: 14.04.2020)

⁴ The Global Responsibility to Protect Journal. – Mode of access: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/1875984x> (accessed: 14.04.2020)

военных вторжений в любую точку мира в соответствии с решениями президента США или Совета НАТО, причем игнорируя позицию СБ ООН [Котляр, 2012].

Начатые НАТО в одностороннем порядке войны в Югославии в 1999 г. и Вашингтоном в Ираке в 2003 г., невзирая на позицию СБ ООН, имели серьезные последствия для населения, обернувшись кризисом в отношениях между европейскими странами и США в рамках НАТО. Это стало ключевым фактором для пересмотра концепции «гуманитарной интервенции» и коллективной ответственности государств как среди политической элиты мира, так и ученых-международников.

Выражая обеспокоенность последствиями гуманитарных катастроф и игнорированием роли СБ ООН в вопросах военного вмешательства, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на Генеральной Ассамблее (ГА ООН) в 1999 и в 2001 гг. инициировал в СБ ООН дискуссию о том, каким образом следует реагировать на ситуации массовых нарушений прав и свобод человека. Аннан заявил, что только СБ ООН уполномочен решать, сложилась ли в государстве угрожающая ситуация, требующая силового вмешательства¹.

Активизация вооруженных конфликтов внутри государств, грубые нарушения основных прав и свобод мирного населения, игнорирование полномочий Совета Безопасности ООН в сфере обеспечения международной безопасности стали правовыми и политическими предпосылками для выработки новой концепции под названием *responsibility to protect* (R2 P).

Концептуальные основы концепции R2 P были официально озвучены в декабре 2001 г., когда правительство Канады использовало этот термин в отчете Международной комиссии по вопросам вмешательства и суверенитета (Комиссия Эванса – Сахнуна). В докладе отмечалось, что право на суверенитет не только предоставляет любому государству возможность осуществлять контроль над внутренними делами, но также обязывает защищать людей, проживающих на территории данной страны. Было подчеркнуто, что в случае неспособности государства защитить своих граждан ответствен-

¹The Question of Intervention – Statements by the Secretary-General Kofi A. Annan // UN Department of Public Information. – 2000. – 58 p.

ность с целью защиты людей переходит к международному сообществу¹.

Новая концепция была призвана ответить на вопросы, которые беспокоили мировую общественность: какие действия предпринять в ответ на масштабные несоблюдения прав человека и преступления против человечества? Как международному сообществу следует отвечать на геноцид, этнические чистки и массовые злодеяния, если мирные инструменты урегулирования конфликтов исчерпаны или оказались неэффективными? Кто принимает решение о формате и основаниях реагирования на преступления против гражданских лиц? Какие меры надо принять, чтобы предотвратить подобные катастрофы в будущем?

Ключевые положения концепции были изложены в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г.², согласно которому государства несут основную ответственность по защите населения, проживающего на их территории, от геноцида, военных правонарушений, преступных деяний против человечества и этнических конфликтов. Цель международной общественности – оказать им экспертное, дипломатическое и гуманитарное содействие в исполнении данных обязательств. Принудительные меры могут применяться международным сообществом лишь при таких обстоятельствах, когда мирные меры недостаточны и государственные органы власти не могут защитить своих граждан в силу определенных причин. Соответствующая резолюция может быть принята исключительно СБ ООН в соответствии с VII главой Устава Организации Объединенных Наций³.

В 2008 г. Генеральный секретарь ООН назначил Эдварда Лака, специалиста по международным конфликтам, профессора Ко-

¹ The responsibility to protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // [Responsibilitytoprotect.org](http://responsibilitytoprotect.org). – Canada; Ottawa: ICISS, 2001. – 91 p. – Mode of access: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (accessed: 14.04.2020)

² Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата посещения: 17.04. 2020)

³ Устав ООН // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата посещения: 29.04. 2020)

лумбийского университета, своим специальным советником для развития идей, связанных с тематикой «обязанности защищать», и содействия ГА ООН в этой сфере.

В опубликованном в 2009 г. Докладе Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать» (A/63/677) была представлена трехкомпонентная стратегия по осуществлению плана действий в целях защиты: 1) обязательства государств в отношении защиты; 2) международная помощь и формирование потенциала; 3) своевременное и решительное реагирование¹.

Возник вопрос, должны ли эти компоненты применяться последовательно? Другими словами, когда международное сообщество может предлагать свою помощь государству: прежде, чем главная ответственность государства за защиту своего населения будет полностью исчерпана, или позже?

По словам Генерального секретаря ООН, «все три компонента должны быть готовы к использованию в любой момент, поскольку не существует установленной последовательности перехода от одного к другому, особенно при осуществлении стратегии раннего и гибкого реагирования»². В Докладе Генерального секретаря ООН «Мобилизация коллективных действий: следующее десятилетие обязанности защищать», опубликованном в 2016 г., говорится, что все три компонента являются взаимно поддерживающими, а обязанности, которые связаны с каждым элементом, могут реализовываться одновременно. К примеру, в ходе действий по защите своих граждан от злодеяний государство параллельно может попросить целевую помощь по конкретному политическому направлению в рамках второго компонента с целью укрепления своего потенциала. Однако это не отменяет главной ответственности самого государства перед своими гражданами³.

¹ Implementing the responsibility to protect: Report of the Secretary-General № A/63/677 от 12.01.2009 г. // Официальный сайт ООН. – Mode of access: <https://undocs.org/A/63/677> (accessed 18.04. 2020)

² Там же.

³ Мобилизация коллективных действий: следующее десятилетие обязанности защищать: Доклад Генерального секретаря ООН № A/70/999-S/2016/620 от 22.07.2016 г. // [Responsibilitytoprotect.org](http://www.responsibilitytoprotect.org). – Режим доступа: [http://www.responsibilitytoprotect.org/SG%20Report%202016-%20Mobilizing%20collective%20action-%20the%20next%20decade%20of%20the%20responsibility%20to%20protect%20\(RUSSIAN\).pdf](http://www.responsibilitytoprotect.org/SG%20Report%202016-%20Mobilizing%20collective%20action-%20the%20next%20decade%20of%20the%20responsibility%20to%20protect%20(RUSSIAN).pdf) (дата посещения: 18.04. 2020)

Вопрос о допустимости вмешательства во внутрисоударственные конфликты, его границах и условиях стал одним из приоритетов международной повестки дня. Этому способствовала реализация на практике подхода, при котором отдавалось предпочтение применению силы в ущерб принципу суверенного равенства государств. Исследователи считают ярким примером реализации данного подхода операцию НАТО в Ливии в 2011 г. Подобное применение концепции повлекло за собой неоднозначные результаты: усугубление конфликтов, дестабилизацию ситуации в регионе и т.д.

Когда речь идет о вторжении в дела другого государства, всегда возникает вопрос о его предпосылках и характере: «Интервенция или защита?». Проблема вмешательства в дела суверенного государства с целью защиты гражданского населения вызывает широкие дискуссии на мировой арене, в рамках которых пересекаются темы прав человека, личностной безопасности, международных отношений, международного гуманитарного права, прав беженцев¹. Заметную роль в возникновении споров относительно «вмешательства» сыграла и многозначность самого понятия, различия в понимании его смысла. Часть исследователей отождествляют вмешательство с военной интервенцией, другие – с дипломатическим давлением, применением политических или экономических санкций [Benner, 2013]. Аналогичная проблема с отсутствием единого международного прочтения существует и в отношении понятия личностной безопасности. Пока академическое сообщество разных стран не придет к консенсусу по поводу определения и компонентного состава концепции human security, политикам сложно будет обосновать ее использование и применение на практике [Бокерия, 2017, с. 322].

Позиции стран БРИКС по R2 P

Россия, Китай и другие страны – партнеры по БРИКС, многие участники Движения неприсоединения единогласно заявляют

¹ Ответственность по защите: своевременное и решительное реагирование. Доклад Генерального секретаря ООН A/66/874-S/2012/578 // Responsibilitytoprotect.org. – 2012. – 25.07. – 20 с. – С. 4. – Режим доступа: <http://responsibilitytoprotect.org/2012%20Russian.pdf> (дата посещения: 18.04. 2020)

о необходимости правильного толкования концепции именно в рамках Итогового документа. Научное сообщество Бразилии и Китая активно разрабатывает данную проблематику, создавая собственные концепции и дополняя существующие положения R2 P.

Бразильская версия R2 P

Бразильская трактовка «ответственность *при* защите» (с англ. *responsibility while protecting*, или RWP), распространенная неофициально в рамках ГА ООН в 2011 г., а затем оформленная официально, изначально не задумывалась как альтернатива первичной концепции R2 P. По сути, обе концепции должны разрабатываться совместно, дополняя друг друга, и в перспективе стать единой доктриной. Бразилия стала первой страной «Большого Юга», предложившей собственное видение R2 P.

В бразильской концепции сделана ставка на превентивную дипломатию в деле снижения риска вооруженных столкновений и подчеркнут приоритет использования всех возможных мирных вариантов защиты населения от насилия. Применение силы предусматривается только с разрешения СБ ООН, в исключительных ситуациях – с санкции ГА ООН по резолюции 377 (V) «Единство в пользу мира»¹. Военные операции должны осуществляться в рамках международного права и согласно мандату СБ ООН или ГА ООН. Разрешение на применение силы должно строго ограничиваться правовыми, временными и оперативными критериями. Военные операции должны быть направлены на уменьшение негативных последствий и не вести к дестабилизации ситуации, соответствовать тем целям, которые обозначены в СБ ООН, при подотчетности Совету Безопасности ООН тех, кто применяет силу².

¹ Резолюция № 377 (V) ГА ООН «Единство в пользу мира» от 03.11.1950 // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/377%28V%29> (дата посещения: 18.04.2020)

² Обращение постоянного представителя Бразилии при ООН к Генеральному секретарю ООН № A/66/551-S/2011/701 от 11.11.2011 // Security Council Report. – Режим доступа: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9CF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/POC%20S2011%20701.pdf> (дата посещения: 20.05.2020)

Концепция RWP подчеркивает важность коллективной международной ответственности в целях защиты, которая на практике должна реализовываться преимущественно мирными методами. Тем не менее некоторые аспекты бразильской инициативы представляются спорными. Этот проект дублирует положение отчета комиссии Эванса – Сахнуна, согласно которому разрешается действовать в обход решению СБ ООН и провести военные действия согласно концепции «Ответственность при защите» в том случае, если работа Совета Безопасности будет отмечена разногласиями между постоянными членами. Иначе говоря, в ситуации нанесения населению ущерба в результате мятежа, гражданской войны, репрессий или серьезного нарушения работы государства, его бездействия или неспособности защитить своих граждан принцип невмешательства уступает место международной ответственности за защиту.

Среди спорных моментов бразильского проекта стоит отметить и то, что в нем не прописана роль региональных организаций в ходе военных операций по защите гражданского населения. В статье 52 Устава ООН говорится о предоставлении региональным организациям самостоятельности исключительно в отношении мирных способов урегулирования конфликтов. Однако что касается применения ими силы, то статья 53 строго указывает на необходимость предварительного получения разрешения от СБ ООН¹. Интересно, что доклад Комиссии Эванса – Сахнуна, со ссылкой на опыт Совета Безопасности ООН в ходе операций в Сьерра-Леоне и Либерии в 1990-х годах, допускает получение данных полномочий после начала или завершения операции региональными организациями. Очевидно, что эти ситуации можно расценивать как противоречия статье 53 Устава ООН.

В деле мирного разрешения конфликтных ситуаций компетенции региональной организации распространяются: в границах региона; в масштабе, прописанном в соответствующих документах; применительно только к своим членам. Региональная организация может легитимно применять силу, исключая случаи взаимопомощи членам организации при нападении извне, только когда

¹ Устав ООН. Глава VIII: Региональные соглашения // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-viii/index.html> (дата посещения: 20.05.2020)

поступило обращение от правительства государства или с санкции СБ ООН. Представляется, что данные нюансы полномочий региональных организаций могли бы быть отражены в обновленной концепции.

Китайский подход к R2 P

Основные положения китайского подхода к R2 P «ответственная защита» (от англ. responsible protection или сокращенно RP) были выработаны Жуанем Цзунцзэ, заместителем директора Института международных проблем при МИД Китая, и опубликованы в июне 2012 г. в формате научной статьи в журнале «Китайские международные исследования» [Zongze, 2012].

Китайский проект характеризуется четкой определенностью в отношении объекта «защиты». Под объектом понимается только гражданское население данного государства, а также мир и стабильность рядом находящихся регионов. В состав понятия «объект защиты» не входят политические партии и объединения, вооруженные силы. Согласно китайскому подходу, предпринимаемые меры в целях защиты должны быть легитимными. Приоритет в плане разрешения операций по защите принадлежит СБ ООН, без мандата которого ни одно государство не имеет права действовать. Применение же военной силы допускается только в том случае, если предварительно были исчерпаны все возможные дипломатические и политические меры разрешения конфликта. При этом должны быть четко определены цели защиты. К основной цели относится предотвращение гуманитарной катастрофы, но без нанесения еще большего вреда государству операциями по защите, так как «защитники» должны нести ответственность не только за проведение военной операции, но также и за ее результат, постконфликтное восстановление. Механизмы контроля за осуществлением мер защиты и после их завершения должна устанавливать ООН [Zongze, 2012]. В целом идея «ответственной защиты» в китайской интерпретации базируется на целях и принципах, закрепленных в Уставе ООН.

Учитывая активную позицию и вовлеченность Китая в международную политику, особого внимания заслуживает интерпретация следующих международных принципов: 1) защита граждан

должна быть «ответственной», т.е. принудительные военные действия могут иметь место только в том случае, если политические интересы помогающих стран не направлены на свержение суверенного правительства; 2) силовое вмешательство может быть осуществлено только после одобрения СБ ООН; 3) ответственность не ограничивается вмешательством, важная роль отводится постконфликтному восстановлению. В этом смысле китайский подход к миростроительству по своей сути связан с целями экономической стабильности и развития государства [Menegazzi, 2012, p. 9].

Существует мнение, что китайская версия R2 P «описывает более узкий набор обстоятельств, при которых военное вмешательство в гуманитарных целях было бы уместным»¹. Исследователи отмечают некоторую двойственность подходов Китая при реализации концепции: с одной стороны, «потенциальная угроза со стороны R2 P в отношении его безопасности объясняет продолжающиеся усилия Пекина по ограничению развития нормы», с другой – «его стремление к статусу ответственной власти побуждает китайское правительство более активно и гибко взаимодействовать с R2 P» [Zheng Chen, 2016]. В 2001–2011 гг. Китай поддерживал R2 P в качестве нового механизма переоценки западных практик гуманитарной интервенции и вклада в постоянно изменяющийся многосторонний глобальный миропорядок, отражающий новый статус Китая как ответственного «глобального гражданина». В ходе глобальной демократической интервенционистской политики 2005–2014 гг., когда концепция R2 P была политизирована Западом, глобалистское видение Китая сменилось подходом, ориентированным на безопасность [Kozurev, 2016].

В ходе дебатов в ГА ООН по вопросам R2 P Китай предложил долгосрочный подход к защите населения путем создания концепции общей устойчивой безопасности и сообщества «совместного будущего» всего человечества. Также Китай поддержал позицию Генерального секретаря ООН об исключении произвольного толкования R2 P или злоупотребления положениями Итогового документа 2005 г. Кроме того, была подчеркнута необходимость развития превентивной дипломатии и усиления мер

¹ *Garwood-Gowers A.* China and the responsibility to protect // Oxford Research Group. – 2016. – May. – Mode of access: <https://www.oxford-researchgroup.org.uk/blog/china-and-the-responsibility-to-protect> (accessed: 28.03.2020)

профилактики в очагах конфликтов, а также использования невоенных методов обеспечения безопасности граждан. Согласно позиции Китая, применение принудительных мер можно рассматривать лишь в случае их соответствия Уставу ООН, а также исчерпания всех возможных мирных средств решения проблем¹.

Позиция России в отношении R2 P

В основе внешней политики Российской Федерации лежат принципы верховенства международного права, уважения территориальной целостности и суверенитета государств, невмешательства во внутренние дела, ведущей и координирующей роли ООН в международных отношениях, мирного урегулирования споров и конфликтов. Эти принципы определяют формирование российского подхода к R2 P.

Российская Федерация принимала активное участие в подготовке элементов концепции «ответственности по защите», вошедших в Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. Однако, как отметил бывший постоянный представитель РФ в ООН В.И. Чуркин, с момента принятия этого документа некоторые государства не оставляют попыток расширительной трактовки концепции. Более того, подходы многих стран в рамках Совета ООН по правам человека и Комиссии по миростроительству также характеризуются политизацией и стремлением навязать собственные приоритеты, что в значительной степени снижает эффективность работы этих механизмов².

Поэтому Россия настороженно относилась к R2 P и первым попыткам ее реализации – например, к идее создания экспертной рабочей группы по защите гражданского населения (2008), попыткам произвольной и слишком широкой интерпретации самой кон-

¹ Statement by Counselor Yao Shaojun at the General Assembly Debate on the Responsibility to Protect and the Prevention of Genocide, War Crimes, Ethnic Cleansing and Crimes against Humanity // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN Web-site. – 2018. – Mode of access: <http://chnun.chinamission.org.cn/eng/hyyfy/t1573682.htm> (accessed: 27.04.2020)

² Чуркин В.И. ООН перешагнула седьмой десяток. Что дальше? // Российская газета. – 2015. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/10/23/oon.html> (дата посещения: 25.05.2020)

цепции (2009), предложениям о формировании специального механизма Совета Безопасности по R2 P (2010) [Барановский, 2018, с. 116].

В 2011 г. Россия поддержала бразильский проект RWP как «представляющий несомненный интерес» и согласилась «принять конструктивное участие в его разработке», однако выступила против заложенной в нем идеи о возможности передачи соответствующих полномочий от Совета Безопасности Генеральной Ассамблее ООН¹.

Настороженное отношение России к R2 P прослеживается и в концептуальных внешнеполитических документах, в частности, в Концепциях внешней политики РФ 2013 и 2016 гг., где говорится о недопустимости «осуществления под предлогом реализации концепции “ответственность по защите” военных интервенций и прочих форм стороннего вмешательства, нарушающих нормы международного права, в частности принцип суверенного равенства государств», а также о намерении «противодействовать попыткам использования правозащитных концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств»²³.

На площадке ООН российские дипломаты неоднократно обращали внимание мировой общественности на проблемы, связанные с реализацией R2 P. В частности, речь шла о необходимости оказания со стороны ООН самой активной поддержки государствам после прекращения активных боевых действий, на этапе поли-

¹ Выступление постоянного представителя России при ООН В.И. Чуркина на заседании СБ ООН от 09.11.2011 // Официальный сайт МИД России. – 2011. – Режим доступа: https://www.mid.ru/organs/-/asset_publisher/AfvTBPbEYay2/content/id/183918 (дата посещения: 19.04.2020)

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу) // Официальный сайт МИД России. – 2013. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата посещения: 25.05.2020)

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Официальный сайт МИД России. – 2016. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (дата посещения: 25.05.2020)

тического урегулирования и миростроительства¹. Говорилось об отсутствии каких-либо единых критериев оценки эффективности выполнения противоборствующими сторонами обязательств по защите гражданских лиц и необходимости учитывать на данном направлении экономическую, социальную, историческую, религиозную и культурную специфику стран и регионов, а также характер каждого конфликта, первопричин и путей его урегулирования². Звучала критика в адрес инициатив по внесению в повестку дня ГА ООН нового пункта «Ответственность по защите» по причине непроработанности концепции, несогласия ряда государств с ее расширительной интерпретацией и серьезных споров относительно ее наполнения³. Подвергался критике и Доклад Генерального секретаря ООН, предлагалось зафиксировать в нем текущее состояние дел в обсуждении концепции, указать все имеющиеся точки зрения и обозначить спорные аспекты, по которым государствам необходимо договориться⁴.

По мере наращивания внешнеполитической активности России и более энергичного использования ею силового потенциала апелляция к логике R2 P тем не менее не стала основой для дейст-

¹Выступление Постоянного представителя Российской Федерации В.И. Чуркина на заседании Совета Безопасности ООН по теме «Защита гражданских лиц» // Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. – 2011. – Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/civillians_in_conflicts (дата посещения: 25.05.2020)

²Выступление заместителя Постоянного представителя Российской Федерации С.Н. Карева на заседании Совета Безопасности ООН по теме «Защита гражданских лиц» // Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. – 2012. – Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/sc_civilians_protection (дата посещения: 25.05.2020)

³Выступление заместителя Постоянного представителя Российской Федерации при ООН Е.Т. Загайнова при принятии повестки дня Генеральной Ассамблеи ООН (в отношении пункта «Ответственность по защите») // Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. – 2017. – Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/ga_rtp (дата посещения: 25.05.2020)

⁴Выступление заместителя Постоянного представителя Российской Федерации при ООН Г.В. Кузьмина на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН по пункту повестки дня «Ответственность по защите и предотвращение геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» // Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. – 2019. – Режим доступа: <https://russiaun.ru/ru/news/prot280619> (дата посещения: 25.05.2020)

вий Москвы. Даже в ситуациях, когда Россия напрямую была вовлечена в конфликты (например, грузино-осетинский конфликт (2008), сирийский конфликт (с 2015 г.)), а также в других случаях, когда имелись формальные основания для использования R2 P (просьба правительства Киргизии о военной помощи в период революции (2010), воссоединение Крыма с Россией (2014), конфликт на Юго-Востоке Украины (с 2014 г.)), Москва не задействовала механизм R2 P.

Отношение Индии к R2 P

Во время Всемирного саммита 2005 г. представитель Индии крайне критически отнесся к концепции R2 P, к ее правовой основе и целям, заявив, что это будет способствовать повышению вмешательства Запада в дела других государств [Hall, 2013, p. 93].

В 2011 г. Индия заняла место непостоянного члена СБ ООН, вскоре на повестке дня Совета оказался вопрос об урегулировании ситуации в Ливии и применении на практике R2 P. Индия сначала была положительно настроена по отношению к действиям по урегулированию кризиса. Так, в феврале 2011 г. Дели поддержал резолюцию 1970, которая предусматривала, в том числе, введение санкций. Но от голосования по Резолюции 1973 Индия воздержалась. Представитель Дели Манжив Сингх Пури заявил о необходимости делать акцент на политических усилиях, призвал соблюдать суверенитет, целостность и территориальную неприкосновенность Ливии, а также обратил внимание на недостаточную проработанность возможных мер принуждения, так как не было определено, кто будет в них участвовать и какими средствами и как конкретно будут осуществляться такие меры¹.

В октябре 2011 г., когда на рассмотрении СБ ООН был вопрос о ситуации в Сирии, Индия воздержалась при голосовании по резолюции (ветированной Китаем и Россией), которая сформулировала сирийский кризис в терминах R2 P. Манжив Сингх Пури утверждал, что Индия согласна с основополагающими принципа-

¹ Заседание Совета Безопасности ООН по повестке дня «Ситуация в Ливии» 17 марта 2011 г. // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.6498> (дата посещения: 25.05.2020)

ми R2 P, но настаивает на том, что государства также несут ответственность за «защиту своих граждан от вооруженных групп и ополченцев» [Dunne, Teitt, 2015, p. 384].

Таким образом, позицию Индии в отношении R2 P можно охарактеризовать как сдержанную. Большую озабоченность Дели вызывает третий компонент концепции, предусматривающий использование силы. Представляется, что силовой подход противоречит некоторым культурным ценностям страны – ненасилию, терпимости, плюрализму и иерархии. Как следствие, Индия делает акцент на первые два столпа концепции, отдавая предпочтение мирным мерам, участию посредников и специальных представителей, задействованию наблюдательных миссий, в том числе при участии региональных организаций.

ЮАР и доктрина R2 P

Подход R2 P созвучен заявленным принципам южноафриканской международной политики, включая поощрение прав человека, демократии, справедливости и разрешение конфликтов посредством региональных мирных мероприятий. Однако позиция государства заключается в том, что основную ответственность за урегулирование кризисов под эгидой СБ ООН должны нести региональные организации, так как они способны обеспечить лучшее понимание проблем региона и выработку средств для их решения [Vokeriua, Omo-Ogbebor, 2016, p. 282].

Южноафриканская Республика принимала активное участие в работе Африканского союза по урегулированию кризиса в Ливии, а при обсуждении ситуации в Ливии в рамках СБ ООН в 2011 г. ЮАР стала единственным государством среди стран БРИКС, поддержавшим Резолюцию 1973. Представитель Южной Африки Б. Сангку отметил важность введения дополнительных мер, таких как прекращение огня и установление закрытой для полетов зоны, которые были призваны стать элементом обеспечения защиты гражданских лиц и безопасных условий доставки гуманитарной помощи тем, кто

наиболее уязвим, и тем, кто отчаянно в ней нуждается¹. При этом ЮАР выступала за сохранение суверенитета и территориальной целостности Ливии и против любой иностранной оккупации или одностороннего военного вторжения под предлогом защиты гражданского населения².

Однако последовавшие за этим события повлияли на изменение позиции ЮАР по отношению к R2 P. Хотя Южная Африка по-прежнему поддерживает идею защиты гражданского населения, она выступает за консультативный, региональный подход и все более критически относится к избирательному применению и милитаризации R2 P [Smith, 2016]. Претория подчеркивает свою поддержку первому и второму компонентам R2 P, считая, что обеспечение безопасности требует всеобъемлющего политического, экономического и военного подхода. Но после практического использования концепции в Ливии Южная Африка стала одним из самых яростных критиков интервенции [Verhoeven, Murthy, Oliveira, 2014].

Заключение

В целом страны БРИКС поддерживают концепцию R2 P в том виде, в котором она нашла отражение в Итоговом документе 2005 г., и, несмотря на некоторые различия в подходах, признают авторитет ООН в обеспечении надлежащей защиты мирных граждан. Когда дело дошло до реализации этой концепции в конкретных ситуациях, все страны БРИКС оказались недовольны результатом. Их критика в отношении процесса реализации концепции не означает отказ от R2 P, а скорее призывает к более детальной регламентационной структуре того, как и когда она применяется. Подходы стран БРИКС во многом сходятся в отношении необходимости проработки существующих противоречий, недопущения злоупотреблений, значимости превентивной дипломатии и важности постконфликтного миростроительства.

¹ Заседание Совета Безопасности ООН по повестке дня «Ситуация в Ливии» 17 марта 2011 г. // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.6498> (дата посещения: 25.05.2020).

² Там же.

Важную роль в формировании R2 P играют официальные дискуссии и дебаты в Генассамблее ООН. Во-первых, данные мероприятия содействуют открытым обсуждениям и популяризации тематики R2 P в академической среде и между государствами, помогая определить проблемы в реализации концепции на практике. Во-вторых, позволяют государствам обмениваться опытом и своими наработками. Являясь ключевой структурой ООН, принимающей решения, ГА ООН может устанавливать план развития и приоритеты R2 P. Поскольку группа стран БРИКС все активнее участвует в формировании международных норм и правил, представляется целесообразным ее участие в проработке аспектов концепции R2 P – с акцентом на ненасильственные, дипломатические и превентивные методы. Отдельные элементы бразильской концепции RWP и китайских предложений RP могли бы стать основой для будущего обсуждения R2 P в рамках БРИКС и выработки согласованных подходов группы для оглашения на заседаниях ГА ООН.

Предметом обсуждения в рамках БРИКС могла бы стать тема содержания докладов Генерального секретаря ООН с целью включения в них информации о текущем состоянии дел в обсуждение концепции, указания всех имеющихся точек зрения и спорных аспектов, по которым государствам необходимо договариваться. Помимо этого, совместными усилиями страны БРИКС могли бы инициировать дополнение трехкомпонентной стратегии по осуществлению плана действий в целях защиты четвертым компонентом «Помощь международного сообщества в посткризисном урегулировании и восстановлении».

Ливийский прецедент, в рамках которого страны НАТО вышли далеко за рамки Резолюции СБ ООН 1973, оказал существенное влияние на эволюцию подходов стран группы БРИКС в отношении R2 P. Представляется значимой выработка в рамках БРИКС согласованных подходов по вопросам регулярной отчетности «защитников» перед СБ ООН, содержащих этапы восстановления правопорядка и улучшения жизни населения.

На фоне общего обострения отношений России с западными странами возможности R2 P как инструмента коллективно согласованной реакции на возникающие в международной среде проблемы гуманитарного плана сокращаются, поскольку все так или иначе вовлеченные в новую конфронтацию страны демонстрируют снижение готовности к взаимодействию и сотрудничеству и вза-

имную подозрительность. При этом причины, приведшие к возникновению R2 P, остаются и будут сохранять актуальность и после вступления международных отношений в посткризисную фазу. Имеющийся опыт развития и реализации R2 P неоднозначен, но он показывает как серьезные проблемы, так и потенциал для сотрудничества. Координация в рамках БРИКС в отношении R2 P будет способствовать не только минимизации разногласий между странами – участницами группы, но и, возможно, формированию более широкого консенсуса в отношении R2 P как действенного механизма формирующейся системы международных отношений.

Список литературы

- Барановский В.Г.* Россия: эволюция взглядов на «ответственность по защите» // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 1 (54). – С. 115–128. – DOI: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-115-128>
- Бокерия С.А.* Концепция личностной безопасности в практике ООН // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 312–324. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324>
- Котляр В.* «Ответственность при защите» и «арабская весна» // Международная жизнь. – 2012. – № 9. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/740> (дата посещения: 30.04.2020)
- Павлова Л.В.* Концепция «ответственность за защиту»: анализ и правовая оценка // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 4. – С. 2–8.
- Худайкулова А.В.* Теории безопасности третьего мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 412–425.
- Bellamy A.* Massacres and morality: mass atrocities in an age of civilian immunity. – Oxford: Oxford University Press. – 2012. – 392 p. – DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199288427.001.0001>
- Benner T.* Brazil as a norm entrepreneur: the “Responsibility While Protecting” initiative // GPPi working paper. – 2013. – March. – 11 p. – Mode of access: https://www.gppi.net/media/Benner_2013_Working-Paper_Brazil-RWP.pdf (accessed: 10.05.2020)
- Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor D.O.* Boko Haram: a new paradigm to West Africa security challenges // Vestnik RUDN. International Relations. – 2016. – Vol. 16, N 2. – P. 274–284.
- Dunne T., Teitt S.* Contested intervention: China, India, and the responsibility to protect // Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations. – 2015. – Vol. 21, N 3. – P. 371–391. – DOI: <https://doi.org/10.1163/19426720-02103003>

- Eaton J.* An Emerging norm – determining the meaning and legal status of the responsibility to protect // *Michigan Journal of International Law*. – 2011. – Vol. 32, N 4. – P. 766–804.
- Glanville L.* Does R2 P matter? Interpreting the impact of a norm // *Cooperation and Conflict*. – 2016. – Vol. 51, N 2. – P. 184–199. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836715612850>
- Hall I.* Tilting at Windmills? The Indian debate on responsibility to protect after UNSC 1973 // *Global Responsibility to Protect*. – 2013. – Vol. 5, N 1. – P. 84–108.
- Hamann E.P., Muggah R.* Implementing the responsibility to protect: new directions for international peace and security? – Brasilia: IGARAPE Institute. – 2013. – 90 p.
- Kozyrev V.* Harmonizing ‘Responsibility to Protect’: China’s vision of a post-sovereign world // *International Relations*. – 2016. – Vol. 30, N 3. – P. 328–345. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117816659589>
- Luck E.* Sovereignty, choice, and the responsibility to protect // *Global Responsibility to Protect*. – 2009. – Vol. 1, N 1. – P. 10–21. – DOI: <https://doi.org/10.1163/187598409X405451>
- Menegazzi S.* China reinterprets the liberal peace. – 2012. – December. – 17 p. – (IAI Working Papers; N 12 (30)). – Mode of access: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1230.pdf> (accessed: 29.04.2020)
- Morris J.* The responsibility to protect and the use of force: remaking the Procrustean bed? // *Cooperation and Conflict*. – 2015. – Vol. 51, N 2. – P. 200–215. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836715612852>
- Reinold T.* The Responsibility to protect – much about nothing? // *Review of International Studies*. – 2010. – Vol. 36, N S1. – P. 55–78. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210510000446>
- Smith K.* South Africa and the responsibility to protect: from champion to sceptic // *International Relations*. – 2016. – Vol. 30, N 3. – P. 391–405. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117816659596>
- Scheffer D.* Atrocity crimes framing the responsibility to protect // *Responsibility to protect: the global moral compact for the 21 st century* / R.H. Cooper, J.V. Kohler (eds). – New York: Palgrave. – 2009. – P. 77–98. – DOI: https://doi.org/10.1057/9780230618404_6
- Verhoeven H., Murthy C.S.R., Oliveira R.S.* “Our identity is our currency”: South Africa, the responsibility to protect and the logic of African intervention // *Conflict, Security & Development*. – 2014. – Vol. 14, N 4. – P. 509–534. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14678802.2014.930594>
- Zheng Chen.* China and the responsibility to protect // *Journal of Contemporary China*. – 2016. – Vol. 25, N 101. – P. 686–700. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2016.1160500>
- Zongze R.* Responsible protection: building a safer world // *China International Studies*. – 2012. – June. – Vol. 34. – Mode of access: http://www.ciis.org.cn/english/2012-06/15/content_5090912.htm (accessed: 19.04.2020)

S.A. Bokeriya, D.A. Sidorov*
**Evolution of the BRICS countries’
approaches to the «responsibility to protect»**

Abstract. The three-stage transformation in the framework of «humanitarian intervention – personal security – responsibility to protect (R2 P)» reflects the international community's search for the most effective forms of protecting the population from crimes against humanity, genocide, and ethnic cleansing. The concept of humanitarian intervention turned out to be untenable, and in 2005 the «responsibility to protect» was formalized. Responsibility to protect concept was intended to become an effective tool in the field of ensuring peace and security. The article deals with the approaches of the BRICS countries, which took an active part in the development of the R2 P, to its interpretation at the present stage. The contradictory semantic content and legal non-formality of the concept make it difficult to implement it in practice and divide R2 P researchers into two main groups. The key goal of the article is to study the evolution of the positions of the BRICS countries on R2 P.

Keywords: international law; international security; enforcement measures; humanitarian intervention; personal security; responsibility to protect; R2 P; BRICS; UN.

For citation: Bokeriya S.A., Sidorov D.A. Evolution of the BRICS countries' approaches to the «responsibility to protect». *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 190–214. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.09>

References

- Baranovsky V. Evolution of Russia's approaches to the «responsibility to protect». *Pathways to Peace and Security*. 2018, N 1 (54), P. 115–128. DOI: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-115-128> (In Russ.)
- Bellamy A. *Massacres and morality: mass atrocities in an age of civilian immunity*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 392 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199288427.001.0001>
- Benner T. Brazil as a norm entrepreneur: the «Responsibility While Protecting» initiative. *GPPi working paper*. 2013, March, 11 p. – Mode of access: https://www.gppi.net/media/Benner_2013_Working-Paper_Brazil-RWP.pdf (accessed: 10.05.2020)
- Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor D.O. Boko Haram: a new paradigm to West Africa security challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2016, Vol. 16, N 2, P. 274–284.

* **Bokeriya Svetlana**, Peoples' friendship university of Russia (Moscow, Russia), e-mail: bokeria_sa@pfur.ru; **Sidorov Dmitry**, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); Peoples' friendship university of Russia (Moscow, Russia), e-mail: d.a.sidorov@mail.ru

- Bokeriya S.A. Human security concept in the UN practice. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2017, Vol. 17, N 2, P. 312–324. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324> (In Russ.)
- Dunne T., Teitt S. Contested intervention: China, India, and the responsibility to protect. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2015, Vol. 21, N 3, P. 371–391. DOI: <https://doi.org/10.1163/19426720-02103003>
- Eaton J. An emerging norm – determining the meaning and legal status of the responsibility to protect. *Michigan Journal of International Law*. 2011, Vol. 32, N 4, P. 766–804.
- Glanville L. Does R2 P matter? Interpreting the impact of a norm. *Cooperation and Conflict*. 2016, Vol. 51, N 2, P. 184–199. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836715612850>
- Hall I. Tilting at Windmills? The Indian Debate on Responsibility to Protect after UNSC 1973. *Global Responsibility to Protect*. 2013, Vol. 5, N 1, P. 84–108.
- Hamann E.P., Muggah R. *Implementing the responsibility to protect: new directions for international peace and security?* Brasilia: IGARAPÉ Institute, 2013, 90 p.
- Khudaykulova A.V. Third world security theories. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2016, Vol. 16, N 3, P. 412–425. (In Russ.)
- Kotlyar V. «Responsibility to protect» and «the Arab spring». *International affairs*. 2012, N 9. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/740> (accessed: 30.04.2020) (In Russ.)
- Kozyrev V. Harmonizing ‘Responsibility to Protect’: China’s vision of a post-sovereign world. *International Relations*. 2016, Vol. 30, N 3, P. 328–345. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117816659589>
- Luck E. Sovereignty, Choice, and the Responsibility to Protect. *Global Responsibility to Protect*. 2009, Vol. 1, N 1. P. 10–21. DOI: <https://doi.org/10.1163/187598409X405451>
- Menegazzi S. China reinterprets the liberal peace. *IAI Working Papers*. 2012, December. Vol. 12 (30), 17 p. Mode of access: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1230.pdf> (accessed: 29.04.2020)
- Morris J. The responsibility to protect and the use of force: remaking the Procrustean bed? *Cooperation and Conflict*. 2015, Vol. 51, N 2, P. 200–215. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010836715612852>
- Pavlova L. The concept «responsibility to protect»: analysis and legal evaluation. *Journal of international law and international relations*. 2013, N 4, P. 2–8. (In Russ.)
- Reinold T. The Responsibility to Protect – much about nothing? *Review of International Studies*. 2010, Vol. 36, N S1, P. 55–78. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210510000446>
- Smith K. South Africa and the responsibility to protect: From champion to sceptic. *International Relations*. 2016, Vol. 30, N 3, P. 391–405. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117816659596>
- Scheffer D. Atrocity crimes framing the responsibility to protect. In: R.H. Cooper, J.V. Kohler (eds). *Responsibility to protect: the global moral compact for the 21 st century*. New York: Palgrave, 2009, P. 77–98. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230618404_6

- Verhoeven H., Murthy C.S.R., Oliveira R.S. «Our identity is our currency»: South Africa, the responsibility to protect and the logic of African intervention. *Conflict, Security & Development*. 2014, Vol. 14, N 4, P. 509–534. DOI: <https://doi.org/10.1080/14678802.2014.930594>
- Zheng Chen. China and the responsibility to protect. *Journal of Contemporary China*. 2016, Vol. 25, N 101, P. 686–700. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2016.1160500>
- Zongze R. Responsible protection: building a safer world. *China International Studies*. 2012, Vol. 34. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/english/2012-06/15/content_5090912.htm (accessed: 19.04.2020)